

В.Ю. Перов, В.В. Головкин

УДК 174

Прикладная этика: «цифровое» переосмысление*

Аннотация. Прикладная этика возникла в двадцатом веке на фоне разнообразных факторов, основным из которых явился научно-технический прогресс и его продукт – технологии. Дискуссии прошлого были сосредоточены на обосновании необходимости данной дисциплины и на её парадигмах. В настоящее время подобные вопросы представляются вторичными, однако историческая ретроспектива позволяет с большей точностью оценить состояние актуальных этико-прикладных проблем. Предпринятый в статье анализ приводит к выводу, что на сегодня самыми влиятельными, имеющими этическое значение, факторами являются цифровые технологии. Они же, в силу своей распространённости, изменяют как общество в целом, так и прикладную этику в частности. Цифровые технологии побуждают пересматривать такие этические понятия как: моральный агент, который не обязательно должен быть даже живым; ответственность, которая перестаёт мыслиться как исключительно причинность и виновность субъекта действия; доверие, которое становится одним из главных факторов моральной легитимности; идеалы достоинства и автономии личности в контексте использования персональных данных как инструмента технологического прогресса. Закономерным итогом развития прикладной этики с этой точки зрения является появление профессионалов нового типа, сочетающих в себе как этико-прикладные знания, так и специализированные компетенции в сфере технологий. Для появления подобного рода специалистов крайне важно установление и развитие повсеместного этического образования.

Ключевые слова: прикладная этика, цифровые технологии, моральный агент, ответственность, доверие, приватность, персональные данные, профессиональная этика.

Прикладная этика как относительно самостоятельная область исследований и практической деятельности появилась во второй половине XX века. Её зарождение сопровождалось дискуссиями, в частности, о необходимости подобного выделения. Несмотря на то, что в настоящий момент этот вопрос скорее исторический, дискуссии об особенностях становления прикладной этики не утихают. Обращение сегодня к дискуссиям этапа становления прикладной этики

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ № 22-28-00379.

позволяет не только лучше понять ее современное состояние, но и дать прогноз в отношении будущего развития этико-прикладного знания и соответствующих практик.

Следует отметить, что 2022 год является для отечественной традиции прикладной этики юбилейным. *Во-первых*, 80-летний юбилей профессора Владимира Иосифовича Бакштановского, чьи усилия по становлению и развитию отечественной прикладной этики трудно переоценить. *Во-вторых*, 10 лет журналу «Ведомости прикладной этики», 60 выпусков которого вместе со своим предшественником (до 2012 года журнал именовался как «Ведомости») во многом представляют полноценную картину современных этико-прикладных исследований. *В-третьих*, 40 лет назад на страницах журнала «Вопросы философии» была представлена дискуссия по поводу статьи В.Т. Ефимова «Этика и моралеведение». Центральным её вопросом стало обсуждение необходимости выхода этики за границы философии морали. Инициатор дискуссии полагал, что современной философской этике не хватает знаний других наук, что говорит о важности появления дисциплины, включающей нефилософские знания о морали. Проведение междисциплинарных этических исследований заявлялось как запрос современности. Речь шла о выделении принципиально новой, самостоятельной научной дисциплины, которой должно было стать моралеведение, содержащее конкретно-теоретические знания: «Опыт свидетельствует о том, что продуктивность этико-моралеведческих разработок значительно возрастает, когда авторы оказываются компетентными в смежных науках» [2, 71]. Таким образом, моралеведение рассматривалось как «наука, изучающая генезис, структуру, функции морали, закономерности развития нравственности, взаимодействие общественной и индивидуальной морали» [2, 69].

В качестве важной части моралеведения В.Т. Ефимов выделял вопросы этического образования и нравственного воспитания, имеющие непосредственное отношение к профессиональной морали: «Курс нашей партии на интенсификацию труда, максимальное использование научного и производственного потенциала в осуществлении поставленных съездом задач в области экономического и социального развития нашей страны неотъемлемо от развития в рабочих таких профессионально-нравственных качеств, как добросовестность, инициативность, дисциплинированность, исполнительность, коммунистическое отношение к труду и общественной собственности» [2, 72]. Актуальность данных аспектов обосновывалась заинтересованностью в них профессиональных сообществ, для которых всё более очевидным становилось влияние морали на эффек-

тивность и интенсификацию производства. В связи с этим, в обществе формировался запрос как на профессионально-нравственное воспитание, так и на практико-ориентированное этическое образование. Так, В.Т.Ефимов отмечал, что «за последние годы интерес к разработке практически значимых проблем морали заметно возрос. Об этом в какой-то мере могут свидетельствовать проведенная в г. Владимире (сентябрь 1980 г.) научно-практическая конференция по профессиональной морали, в г.Тюмени (апрель 1981 г.) научно-практическая конференция, посвященная вопросам нравственной жизни коллектива и планированию воспитательной работы. В этих и других городах и регионах ведутся исследования прикладных вопросов теории морали, и прежде всего, профессиональной морали, морально-психологического климата в коллективе, разрабатываются методики, проводятся с производственниками "деловые игры" и т.д.» [2, 72]. Если первый вопрос решался в рамках профессиональной этики, то для решения второго предлагалось создание новой образовательной дисциплины на базе моралеведения.

Следует отметить, что многие участники дискуссии отнеслись к идеям В.Т. Ефимова скептически, особенно к требованию выделения моралеведения в качестве самостоятельной – по отношению к философской этике – дисциплины. Основные выдвинутые возражения можно сформулировать следующим образом. *Во-первых*, этика уже является прикладной дисциплиной. Ещё Аристотель нарёк её практической философией. Подчёркивалась невозможность отделения теории от практики, следовательно, нужно продолжать развивать этику в привычном её понимании. *Во-вторых*, самостоятельность прикладной этики предполагает обладание отличной от классической методологией и весомой специфичностью, в чём многие исследователи сомневались. *В-третьих*, подвергалась сомнению возможность отделения этики от философии без потери самой этики: «самым серьезным и основательным аргументом здесь является живой опыт научного познания. А он свидетельствует, что в истории познания вряд ли можно найти хотя бы одну философско-этическую систему, которая не была бы теорией морали, или развитую теорию морали, которая не была бы философско-этической» [1, 81]. *В-четвертых*, в отношении идеи междисциплинарности отмечалось, что это уже происходящий процесс, который и так обогащает этическое знание без выделения моралеведения из философской этики: «Несомненно также, что тесная связь с целым комплексом конкретных наук, накапливающих огромную информацию о состоянии реальной нравственности (история, социология, психология, педагогика, культуроведение, сравнительное правоведение, судебная медицина и др.), неизбежна»

[6, 89]. Тем не менее, ядром этики как междисциплинарной дисциплины всё равно остаётся философия, а данные других наук должны тщательно отбираться. Нельзя просто так брать их достижения, необходимо подвергать их этической обработке.

Если подвести краткие итоги, то можно сказать, что в ходе инициированной В.Т. Ефимовым дискуссии были выделены ключевые моменты, на которых плодотворно развивалась новая этическая наука прикладного толка. Следует согласиться, что это было продиктовано ускоряющимся научно-техническим прогрессом и быстрыми социальными изменениями, в связи с чем имеющийся как теоретический, так и практический опыт исследования и решения моральных проблем оказался недостаточным. Моралеведение по замыслу должно было на стыке философского и прикладного знания, сформировать новый стандарт профессионала: человека, который помимо компетенций специалиста, обладал бы знаниями и умениями в сфере этики. Иные же исследователи не во всём разделяли пыл автора, «охлаждая» его рассуждения разумными критическими замечаниями, что, несомненно, положительно отразилось на формировании прикладной этики и её обосновании как отдельного, но тесно связанного с философией морали знания.

Стоит отметить, что именно в это же время подобные дискуссии проводились и зарубежными исследователями. В качестве примера можно обратиться к аналогичному обсуждению, которое было опубликовано в 1984 году на страницах журнала «The Monist». В целом, поднимаемые вопросы в данных дискуссиях похожи, если не принимать во внимание особенности используемой терминологии и марксистскую специфичность отечественного обсуждения. Например, обсуждались междисциплинарность прикладной этики и её связь с технологиями: «“Прикладная этика” будет применяться здесь для более широкого обозначения использования философской теории и методов анализа в решении фундаментальных морально-этических проблем в профессиях, технологиях, государственной политике и тому подобном» [8, 515]. Итоги так же похожи: идея о прикладной этике вне философской была воспринята со скепсисом, а в некоторых случаях даже принципиально отвергнута: «Прикладная этика является препятствием для понимания того, что происходит на самом деле. В некоторых случаях она защищает власть от критики, в других – скрывает общую моральную важность происходящего. Прикладная этика основана не просто на ошибке, а на ошибке, которая оказывает пагубно влияние» [9, 512].

Что изменилось за прошедшие почти полвека? С одной стороны, прикладная этика стала общепризнанной частью этических ис-

следований. В этом плане фокус дискуссий сместился с вопросов о том, что такое прикладная этика на проблематику: «какая она бывает» и «какой она должна быть». Например, в рамках дискуссии на страницах журнала «Ведомости прикладной этики» вопрос о необходимости её существования уже не обсуждался (а если и был, то только в рамках состоятельности использования слова «прикладная», но не в отношении её самой) [5]. Центром обсуждения стал вопрос о парадигмах прикладной этики, что говорит о некотором конвенциональном принятии данной научной дисциплины. С другой стороны, до сих пор встречаются исследователи, которым не даёт покоя название. Вопрос, возможно, интересный, но насколько важно, как мы называем данную науку: прикладной этикой, практической этикой или моралеведением, если суть и дисциплина остаются прежними? Да и насколько можно утверждать, что название связано именно со спецификой прикладной этики, а не по аналогии с другими прикладными науками? Тем более, что существуют иные, более важные темы для обсуждений.

Как можно было увидеть, дискуссии о прикладной этике разворачиваются уже ближе к концу XX столетия. И встаёт закономерный вопрос: «Почему именно в это время?». В начале прошлого века начался аналитический поворот в рамках философской этики, исследователи стали делать упор на вопросы логического и лингвистического анализа этической теории. В результате этих процессов появляется метаэтика как отдельная дисциплина в рамках моральной философии. Вместе с этим практические вопросы, которые были присущи этике ещё с античности (хотя занимали в ней меньше места, чем теория), отошли на периферию философских этических дискуссий. В результате сложилась ситуация, когда философская этика всё в меньшей степени могла предлагать ответы на возникающие моральные вызовы. Чем же обусловлен поворот к прикладной этике? Не претендуя на исчерпывающее объяснение, можно выделить следующие блоки процессов и событий, актуализировавших практическое и прикладное значение этики.

1) *Войны, наука и технологии*. Мировые войны, произошедшие в первой половине двадцатого века, оставили неизгладимый след на культурном «теле» современного общества. Их масштабы и жертвы, передовые технологии, нацеленные на убийство, применение оружия массового поражения – всё это перевернуло мировоззрение интеллигенции того времени. Рефлексия Первой мировой отторгала даже мысль о возможности допущения конфликта подобных масштабов не то, что в ближайшем будущем, но когда-либо вообще. К сожалению, всего лишь 25 лет спустя, началась Вторая мировая война, своими

разрушениями ещё больше потрясая человечество. Апогеем ужасов войны стало применение ядерного оружия, продемонстрировавшего опасность научно-технических достижений. Последующее раскрытие нацистских преступлений (и не только в области биологии и медицины) продемонстрировало опасности свободных от морали научных исследований и технологических разработок, которые могут быть использованы для массового целенаправленного уничтожения людей. Данные события явили миру недостаточность этики «на бумаге», а вера «Проекта Просвещения» в безусловное благо научно-технологического прогресса рухнула, вызвав лишь разочарование. Это привело, как минимум, к необходимости переосмысления, саморефлексии этики. Стало ясно, что без её действенного участия в насущной жизни, она теряет значительную часть себя, уходит от позиционирования себя как проявления практического философского знания в мире.

2) *Социальные трансформации.* Важную роль в процессе становления прикладной этики сыграли социальные изменения и движения. И здесь не обошлось без влияния технологий. Как минимум можно выделить следующие аспекты. *Во-первых*, внедрение технологий в производство, с одной стороны, сделало последнее более открытым, с другой – потребовало подготовки высококвалифицированных кадров. Именно во второй половине XX века по всему миру, в том числе и в СССР, начинается массовизация высшего, особенно инженерного образования. Но если говорить о западном обществе, то оказалось, что для этого численности такой социальной группы как «белые мужчины» явно не хватает. Возникла потребность предоставить равные права на образование и участие в трудовой, а значит и в любой другой социальной жизни тем, у кого они были ограничены. *Во-вторых*, развитие информационных технологий привело к формированию массовой культуры, массмедиа и расширению публичной сферы, что обеспечило вовлеченность большинства людей в решение таких вопросов. Социальные проблемы, выносимые на повестку дня, такие как аборт, права цветного населения, права женщин и т.п. перестали быть далёкими и абстрактными, а потребовали практических моральных решений. Таким образом, можно сказать, что само общество сформировало запрос на появление прикладных этик.

3) *Научно-техническая революция.* Комплекс данных процессов уже упоминался: в войнах применялись передовые технологии, технологии изменили рынок труда и образования, возникновение и расширение массовой культуры также не обошлось без использования плодов науки и технологий того времени. Научно-технический

прогресс был и раньше, но его темпы в XX веке значительно опережали темпы прошлого. При этом обнаружилось, что философская этика зачастую не успевала за научными и техническими достижениями. Это во многом объяснимо, учитывая, что на рефлексию и анализ чего-то нового требуется время. Начиная с середины XX века, это отставание стало принимать критические значения. И в настоящий момент мы сталкиваемся с этическими проблемами в стремительно развивающихся научно-технологических и связанных с ними сферах. С каждым годом повышается запрос на этическую компоненту в передовых технологических исследованиях и профессиях, как от самого сообщества профессионалов, так и от общества в целом. Возникает потребность в новых людях, обладающих знаниями как научными, так и этическими. Вопрос заключается в том, действительно ли эффективнее будет профессионал междисциплинарного толка, или же лучше составить модель сотрудничества двух экспертов: из области передовых технологий и прикладной этики? Новые технологии поставили новые проблемы, заставившие переосмыслить некоторые прежние. В частности, возникли три базовых вопроса, нуждающиеся в новом осмыслении.

Во-первых, вопрос о природе и сущности морального агента. Одно время казалось, что эпоха Просвещения дала ответ на него устами Канта, провозгласившего свой категорический императив, применяемый по отношению к существам разумным. Однако двадцатый век, посредством этических размышлений В.Р. Поттера, Г. Йонаса и Х. Ленка, заявляет о необходимости морального отношения к иным агентам. Например, речь идёт об окружающей среде, о животных, наполняющих её, о будущих поколениях. При этом важно, что многие из авторов связывают необходимость переосмысления морального агента именно с развитием технологий. В частности, Х. Ленк пишет: «Природа в целом и в своих частях стала уже моральным субъектом, по меньшей мере, в негативном смысле этого слова на фоне огромных масштабов разрушительной деятельности человека по отношению к ней» [4]. Кроме того, в настоящий момент цифровые технологии ставят подобный вопрос в отношении морали машин. Некоторые исследователи в своих размышлениях заходят ещё дальше, рассуждая о возможности существования Искусственных Моральных Агентов, например, в виде искусственного интеллекта. Таким образом, в отличие от традиционного понимания морального агента, подобным статусом призывают наделить не только людей. Не имея возможности детального рассмотрения теоретической и практической обоснованностей таких предложений (хотелось бы отметить крайне скептическую позицию авторов этой статьи), следу-

ет отметить в качестве позитивного результата данных дискуссий возросший интерес к природе морального агента. В современной этике всё более актуальными становятся вопросы о критериях и характеристиках, на которые необходимо ответить для формирования целостной непротиворечивой концепции морального агента.

Во-вторых, это проблема ответственности, которая также тесно связана с проблемой морального агента. Традиционная этика рассматривает вопросы ответственности, связанные с причинностью (быть причиной) и личными переживаниями (виновностью) субъекта действия. В XX веке концепция ответственности дополняется размышлениями Г. Йонаса, Х. Ленка и других, зачастую в связи с бурным научно-техническим развитием. Г. Йонас отмечает, что «Сохраняющийся за человеком мандат предъявляет к нему достаточно требований и помимо достижения рая. Сбереечь целостность его сущности, что подразумевает также и целостность окружающей среды; пронести эту вверенную ему ценность не в обезображенном виде через все опасности, которым подвергает его время, и по большей части, опасности со стороны его собственных чрезмерно величественных деяний – вот не утопическая цель, однако и не такое уж скромное задание ответственности для будущего человека на Земле» [3, 408]. Появляется понимание о коллективной моральной ответственности: «Перед лицом опасностей и угроз, исходящих от взаимодействующих и систематически повторяющихся воздействий техники и крупных проектов (в реализации которых принимают участие тысячи людей), коллективно действующие группы должны брать на себя совместную ответственность: групповую ответственность, ответственность в масштабе целого института и даже целого поколения» [4, 172]. И как некоторый итог, оба философа заявляют о необходимости научной дисциплины, которая бы занималась прогнозированием грядущего и оценкой возникающих рисков от тех или иных действий человеческого сообщества. Так, Х. Ленк отмечает, что «при рефлексии над проблемами этики необходимо учитывать динамику и практику исторической ситуации. При всей стабильности основных тенденций следует постоянно иметь в виду и дальнейшие усовершенствования перед лицом новых вызовов технического прогресса» [4, 174]. В современном мире, который иногда называют «цифровым обществом», вопросы, поднимаемые Г. Йонасом и Х. Ленком, остаются крайне актуальными. Необходимость обращения к коллективной ответственности можно наблюдать при обсуждении и решении цифровых проблем (утечка данных, сбой алгоритма и т.д.), при этом речь идёт не только о теоретических исследованиях, но и прикладных воплощениях в практически ориентированных документах. Например, в

Докладе COMEST (Комиссия по этике научных знаний и технологий) ЮНЕСКО (Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры) по поводу этики роботов (и робототехники) отмечается, что в настоящее время проблема ответственности в сфере технологий искусственного интеллекта «решается некоей общей или распределительной ответственностью между разработчиками роботов, инженерами, программистами, производителями, инвесторами, продавцами и пользователями. Таким образом, ответственность ложится сразу на всех людей, причастных к созданию или работе робота» [10, 42]. Правда, при таком подходе возникает вполне очевидная опасность размывания ответственности, когда позиция «все ответственны» оборачивается «никто не ответственен», так как в создании сложных цифровых технологий задействовано большое количество людей и крайне трудно персонифицировать ответственность за тот или иной сбой или ошибку. Следует отметить, что альтернативный коллективному пониманию ответственности подход вызывает ещё больше вопросов, в частности, по поводу определения моральных агентов (то есть тех, кто является носителем ответственности или тех, кому она может быть вменена). Разговоры порою доходят вплоть до вопросов о личной ответственности ИМА, что в настоящее время нет никаких ни программно-технических, ни морально-философских оснований для подобного рода предположений. Следовательно, коллективная форма ответственности является наиболее предпочтительным решением на данный момент. Однако важно уточнить, что, по мнению Х. Ленка, ответственность в группе должна распределяться в соответствии с причастностью действующих лиц к событию. Важно отметить и необходимость этического просвещения в рядах профессионалов, о чём пишет сам Х. Ленк. «Создание и внедрение в нашу жизнь этических кодексов в сфере техники и технической (а также научно-технической) деятельности – дело совершенно неотложное точно так же, как и соответствующее этическое образование инженеров и техников. <...> Внедрение этического образования, знания начал этики следует требовать и развивать не только в виде школьной дисциплины, наподобие какого-то эрзаца школьного преподавания религии, но, в частности, как способа высоко сознательного усвоения основ и принципов *профессиональной этики*, создания некой дисциплины для «подготовки моральных стражей» в области техники и её применения» [4, 175].

В-третьих, обостряется вопрос конфиденциальности персональных данных и доверия к технологиям. Сформированные в пери-

од становления современного общества этические идеалы включают и представления о личности, обладающей моральной автономией.

Последняя не сводится исключительно к кантовскому ее пониманию, но широко признано, что именно идея автономии выступила основой для формирования идеалов достоинства и неприкосновенности частной жизни (приватности). Но, как было отмечено ранее, XX век – во многом век разочарований в идеалах Просвещения, в безусловной ценности достижений наук и в самом человеке. Распространение цифровых технологий связано не только с проблемой доверия к самим технологиям, но и с вопросами достоинства и неприкосновенности личности, которая наиболее ярко проявляется в конфиденциальности персональных данных. Кратко суть ее заключается в том, что качество работы новых технологий всё больше и больше зависит от количества персональных данных, прямо или косвенно передаваемых пользователями компаниям. Более того, считается, что передача данных третьим лицам также улучшает качество предоставляемых услуг (например, для функционирования интернета вещей). Однако получается, что государство и ИТ-компании владеют большим объёмом информации о людях и могут делать с ней практически всё что угодно, поэтому можно констатировать уменьшение личного поля человека и, соответственно, увеличение публичного. Возникающая здесь дилемма может быть сформулирована следующим образом: либо комфорт, либо сохранение персональной, недоступной другим, информации.

В Докладе Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве» отмечается, что основными деструктивными для прав человека практиками в цифровой среде являются а) осуществляемое государственными цифровыми системами (например, сервисом «Госуслуги») отслеживание событий частной жизни (цифровой профиль граждан); б) «добровольно-принудительный» сбор данных госорганами и коммерческими структурами; в) неконтролируемое «ковровое» видеонаблюдение госорганами и коммерческими структурами [7]. Но и здесь возникает вопрос о моральном агенте: о доверии к кому или к чему мы говорим, когда речь заходит о доверии к технологиям? Для краткости можно по аналогии воспользоваться той же позицией, которая ранее была сформулирована в отношении проблемы ответственности. Моральными агентами являются люди, разрабатывающие, производящие, использующие технологии. Это в какой-то мере возвращает нас к упомянутой дискуссии по поводу моралеведения, в рамках которой были поставлены вопросы о необходимости подготовки

этически грамотных профессионалов. Цифровые технологии повлияли на рассмотрение ряда этических проблем. Для некоторых людей представленная картина видится настолько страшной, что возникает желание отменить или хотя бы приостановить технологический прогресс. К сожалению или к счастью, это невозможно. Однако придать развитию технологий этическую рамку – вполне реальная задача. Необходимость этической компоненты в цифровых технологиях приводит к идее о новых профессионалах, которые должны будут обладать не только техническими, но и этическими знаниями (а главное – будут способны их применить). В этой связи, крайне важным выглядит этическое образование для подобных профессионалов. (Следует отметить, что проблематика профессионально-этической составляющей инженерного образования находит отражение и на страницах журнала «Ведомости прикладной этики».)

Подводя итоги, подчеркнём главные положения данной статьи. Во-первых, дискуссии, которые сопровождали возникновение и самоопределение прикладных этик, с одной стороны, во многом исчерпали себя, поскольку они стали неотъемлемой частью теоретических исследований и этических практик, с другой – в них сформулированы некоторые вопросы, позволяющие лучше оценить современное состояние этико-прикладных проблем. Во-вторых, установлено, что наиболее значимым фактором появления и развития прикладных этик является научно-техническое развитие. В-третьих, в настоящее время именно цифровые технологии заставляют нас пересматривать заново такие понятия как моральный агент, ответственность, доверие; поднимать новые вопросы о ценности идеалов, достоинства и автономии личности в контексте персональных данных. В-четвёртых, закономерным элементом развития прикладной этики является появление новых профессионалов, обладающих как специализированными знаниями в сфере технологий, так и этическими. И для их появления необходимо повсеместное развитие этического образования.

Список литературы

1. Гусейнов А.А. Этика – наука о морали // Вопросы философии. 1982, № 2. С. 79-83.
2. Ефимов В.Т. Этика и моралеведение // Вопросы философии. 1982, № 2. С. 67-74.
3. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М., Айрис-Пресс, 2004. С. 37-446.

4. Ленк Х. Размышления о современной технике / Пер. с нем. Под ред. В.С. Степина; Ин-т «Открытое о-во». М.: Аспект-пресс, 1996. – 182 с.
5. Парадигмы прикладной этики. Ведомости. Вып. 35, специальный / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2009. 252 с.
6. Титаренко А.И. Предмет этики: основания обсуждения // Вопросы философии. 1982, № 2. С. 89-94.
7. «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве» // Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (01.12.2021) URL: <https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf> (дата обращения 23.04.2022).
8. Beauchamp T.L. On eliminating the distinction between applied ethics and ethical theory // The Monist, Vol. 67, No. 4, Ethics and the Modern World (OCTOBER, 1984). Pp. 514-531.
9. MacIntyre A. Does applied ethics rest on a mistake? // The Monist, Vol. 67, No. 4, Ethics and the Modern World (OCTOBER, 1984). Pp. 498-513.
10. Report of COMEST on robotics ethics. 2017. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000253952> (date of request: 27.04.2022).